

Культура. — 2002. — 4-10 июля. — С. 4

Ловкость рук и мошенничество...

Старшему поколению зрителей имя режиссера Евгения ГИНЗБУРГА хорошо знакомо: для просмотра его "Бенефисов" откладывались даже самые срочные дела. Яркие, динамичные и немножко хулиганские, эти музыкальные телепостановки в середине семидесятых стали открытием для отечественного эфира времен тягеловесного, застегнутого на все идеологические пуговицы Гостелерадио. И до некоторой степени — "бельмом на глазу" телевизионного начальства, почему и ставили "Бенефисы" глубокой ночью. Тем не менее уже на следующее утро каждая передача буквально растаскивалась на поговорки и припевки. Запомнились зрителям той поры и фильмы Евгения Гинзбурга "Пышка", "Аргонавты", "Песни военных лет" в исполнении Людмилы Гурченко. Советского режиссера признал Запад: Евгений Александрович стал лауреатом многочисленных международных фестивалей. И только на Родине мастер как-то вдруг оказался невостребованным нашим телевидением. В работе наступила долгая пауза. Свой последний по времени телесериал "Мамука" Евгений Гинзбург сдал еще в ноябре прошлого года, но по центральным каналам картина так пока и не прошла... А между тем академик Академии Российского телевидения полон сил и жаждет работы.

— Евгений Александрович, многие представители художественной интеллигенции на вопрос: смотрите ли вы телевизор? — сразу и однозначно отвечают отрицательно, делая исключения лишь для очень немногих передач. А как бы вы ответили на этот вопрос?

— Телевизор смотрю достаточно регулярно, сегодня он вообще составляет фон моей жизни.

— И чем же так притягивает? — Тем, что отталкивает (смеется). А если говорить серьезно, то мне очень хочется знать не понаслышке, а буквально, что же там сейчас происходит.

— И как бы вы оценили происходящее на отечественном экране?

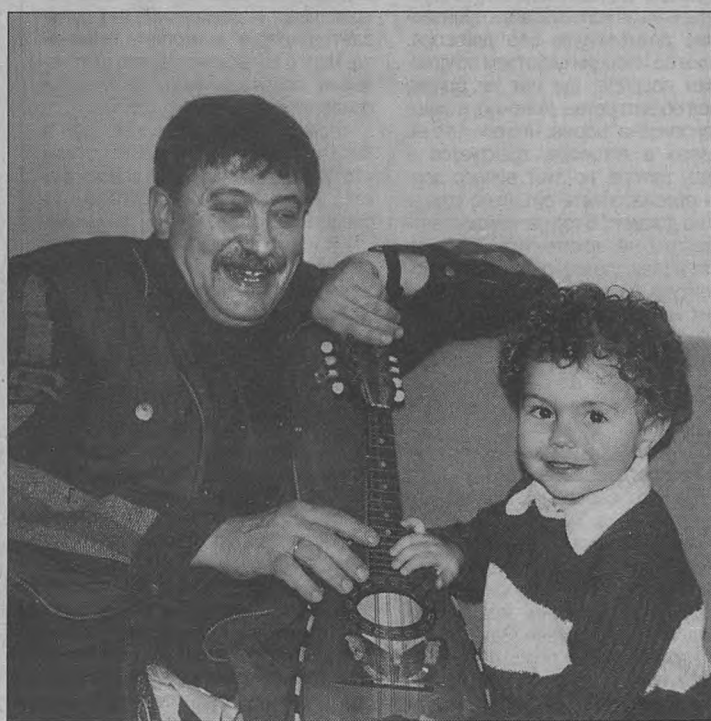
— Думаю, что положение дел там нынче катастрофическое. Только не почитайте подобную оценку обидой безработного на сегодняшний день телережиссера. Невыход "Мамуки", которого я делал для РТР, объясняется серьезными пертурбациями на этом канале, сменой руководства, политики и т.д. Буквально со дня на день жду прихода денег для некоторой доделки сериала, так что без работы не останусь. Я профессиональный телевизионщик и не могу не оценивать того, что вижу. Прежде всего с точки зрения — как, а не — что. Профессионально, ремесленно телевидение сегодня блистает. Оно яркое, ритмичное, оно выстроенное, скажем так. Но что внутри — это главное. А главными событиями телевизионного эфира становятся вещи, для меня совершенно неприемлемые. Во-первых, переизбыток лицензионных программ, своего практически ничего не сочиняется. А если свое, то такое, что говорить об этом просто стыдно. Основным содержанием отечественного телевидения (я не говорю сейчас об информационном столбе) стали лицензионные ток-шоу и игры. То есть весь эфир свелся к двум жанрам. Даже "Русская рулетка" на поверку оказалась отнюдь не русской. Кстати, я видел ее в испанском исполнении. И увлекся. Чего не происходит, когда я наблюдаю наши варианты. То есть я могу отметить ловкость монтажа, какие-то световые эффекты. Но поведению ведущих в большинстве случаев, их общение с несчастными

игроками и аудиторией в студии — все это для меня за гранью добра и зла, за гранью вкуса. Это не телевидение. Это игра в телевидение. А уж если говорить об играх на выбивание — участников из команды, всего человеческого из человека, — то... На мой взгляд, подобное может привести к тяжелой социальной болезни. Кстати, не исключаю, что безобразия в Москве по поводу проигрыша нашей футбольной команды на чемпионате мира — это прямое следствие агрессивности отечественного телевидения. Если мы строим такой капитализм, то тогда я завтра же подам заявление в коммунистическую партию, чего я даже предположить никогда не мог в прошлые годы.

Складывается впечатление, что сегодняшнее телевидение разговаривает само с собой: канал с каналом, все вместе — с Думой. То, что на экранах практически нет ничего, что было бы связано с духовностью (я не говорю о канале "Культура"), объясняю тем, что телевидение занимается обслуживанием власти. Даже если оно находится в оппозиции к власти, оно обслуживает власть. Причем обслуживает, нырнув в омут и не озираясь по сторонам.

— Приехали к тому, от чего все эти годы пытались уехать? Ведь при советской власти было то же самое обслуживание власти. Но создавались и программы, которые сегодня стали золотым фондом отечественного ТВ, его классикой. Как получилось, что мастера вашего уровня оказались невостребованными?

— Некоторое время назад я очень дергался на эту тему. Действительно — почему? Почему не повторяют мои работы, почему, как в прежние годы, я каждый день не езжу в Останкино? Я понял — почему. Во-первых, телевидение в его сегодняшнем качестве не желает рисковать, экспериментировать. Есть только апробированные схемы. А апробацию я уже давно прошел: я знаю — как, знаю — чего я хочу. Вот этого в режиссере сегодняшнего телевидения быть не должно. Он должен выполнять то, что ему велели. Он сегодня на телевидении ловкий конструктор. Собирает схему по назначенной картинке, ни в коем случае не отступая в сторону. Иначе упадет рейтинг. А это деньги. Так наступает тупик. Так

Е. Гинзбург с сыном Сашей

исчезает школа. Сегодня учат ловкости рук. И мошенству.

— В чем же вы видите выход из положения, если вообще видите свет в конце тоннеля?

— При том, что смотрю телевизор, я — оптимист. Объясню, что имею в виду. Бешеными темпами, безоглядно мы повторяем историю США. Мы сейчас находимся в стадии дикого капитализма. Там весь этот кошмар очень быстро привел к возникновению великого американского кино и телевидения, которые и создали национальную идею. Вот две мощнейшие культурные силы, сумевшие перебороть ужас депрессии и сделать Америку действительно великой страной. С очень мощной идеологией.

— Евгений Александрович, наши зрители пересмотрели и по телевидению, и на кассетах великое множество американских фильмов, по сравнению с которыми "Простая история" — шедевр...

— А что мы видим? То, что дешево купить. Ведь там есть и великое американское кино, и жевательная резинка. Мы получаем жевательную резинку, которую поначалу с удовольствием жевали, а сейчас действительно уже выплевываем. Я с нетерпением жду шага от Президента или правительства в сторону создания новых систем ценностей — через телевидение в том числе.

— Каким образом?

— Не знаю. Если бы знал рецепт, я бы, наверное, что-нибудь делал сам.

— Ваш ответ лично мне оптимизма как-то не прибавляет...

— Не торопитесь. Людям свойственно очень быстро забывать плохое и очень быстро привыкать к хорошему. Я не забыл пустых полок в магазинах. Не забыл, когда цензура потребовала вырезать из моего фильма эпизод, в котором царь поедал баранью ногу, а стоящие рядом сплатывали голодную слюну. В стране голод, а в кадре — баранья нога... Это один лишь крохотный и анекдотический по сегодняшним временам эпизод. Но я не могу не видеть, что, пусть очень-очень маленькими шагами, мы все-таки идем вперед, а не назад. Сейчас, несмотря на телевидение, а может, и вопреки ему, лица у людей стали другими.

— В том, что сегодня происхо-

дит на телевидении, есть и большая доля вашей вины, уж извините за прямоту. Ведь вы — академик Академии Российского телевидения, которая разрослась нынче чуть ли не до двух сотен академиков. Неужели такая армия ничего не может сделать, дабы выйти из тупика? Для чего же тогда академия существует?

— Я сам себе неоднократно задаю тот же вопрос. Чтобы раз в год надеть смокинг, который я ненавижу, и с самодовольным видом пройти по сцене, объявив какую-нибудь посредственную программу победительницей ТЭФИ? Из Академии Российского телевидения мы превратились в членов жюри фестиваля, в котором победители определены заранее. Часть академиков говорит об этом между собой, я говорю во всеулышание. Так и будет, пока в академии находятся руководители каналов, лоббирующие собственную продукцию. Уверен, что их не должно быть в АРТ.

— В нынешнем году должны пройти региональные конкурсы ТЭФИ. Но даже если жюри отберет замечательные программы, они все равно не будут показаны по так называемым центральным каналам. Или я ошибаюсь?

— Думаю, вы не сильно ошибаетесь. Я ведь как член жюри часто смотрю то, что делают регионалы. Многие из их программ и лучше, и чище наших. А главное, в них не столь велик удельный вес политики и информации. Ведь основу наших шести метровых кнопок составляет информация.

— Вы констатируете факт или говорите об этом с сожалением?

— С сожалением. Потому что процент информации и политики федеральных каналов превышает все остальное и забывает то, ради чего вообще должен существовать телевизор.

— А ради чего он должен существовать?

— Телевизор — это прибор, который должен заменить в доме камин. Он должен греть, собирать вокруг себя семью и не только развлекать, но и увлекать.

Беседу вела
Елена ГРАНДОВА